

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 16, Is. 3, Pp. 660–672, 2023
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 398.21

DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец»

Баира Басанговна Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-9386-653X. E-mail: [baira.goryaewa\[at\]yandex.ru](mailto:baira.goryaewa[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2023

© Горяева Б. Б., 2023

Аннотация. *Введение.* Сюжетный тип 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции развивается на мотиве чудесного помощника. Анализ показывает, что герой, отдав долг умершего, приобретает помощника. *Цель* исследования — рассмотреть мотив помощника в калмыцких волшебных сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец». *Материалом* исследования выступили тексты опубликованных сказок на «ясном письме» (*тодо бичиг*), в транскрипции на латинице, а также в современной калмыцкой орфографии на кириллице в сборниках калмыцких сказок. *Результаты.* Перед отправкой в дальний путь герой проводит испытание своего работника, предлагая отведать еды. Отказ спутника от яств мира людей указывает на принадлежность миру духов. Чудесность помощника героя проявляется также через его сверхскорость и способность понимать язык животных. Благодаря этому дару помощник, услышав разговор кошки и собаки, подсказывает юноше средство для излечения дочери хана. Желчь кошки выступает лекарством во всех вариантах сказок на сюжетный тип «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции. А. Н. Афанасьев отмечает желчь как лекарство для воскрешения и восстановления зрения в русской сказке «Еруслан Лазаревич», подчеркивая «лингвистическую и мифическую связь» сияния солнца, блеска золота и желтого цвета желчи. Благодарный мертвец, зная о беде, защищает своего спасителя и его супругу от яда змеи. При обвинении в посягательстве на жизнь он признается во всех своих благих деяниях (расправе над семьей мусами-людоедами, их дочерьми, женами, матерью-старухой) и собирается в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана. Герой решает не расставаться со своим помощником и следует за ним в ад. Особенность калмыцких сказок сюжетного типа «Благодарный мертвец» заключается в описании испытаний, которые проходят герой со своим помощником в мире мертвых. Владения Эрлик Номин хана, повелителя мертвых, рисуются в сказках на основе представлений о буддийском аде, отраженных в письменных памятниках ойратской литературы, таких, как «История Чойджид-дагини», «Повесть о Молон-тойне», «Повесть о Гусю-ламе», «Повесть о Нарану Герел» и др. Именно благодаря описанию буддийского ада международный сюжетный тип «Благодарный мертвец» в калмыцкой устной традиции приобрел свою особенность в реализации мотива чудесного помощника. *Выводы.* Мотив помощника в рассмотренных сказках разработан на основе традиционных представлений с заменой более ранних воззрений — поздними буддийскими.

Ключевые слова: калмыки, волшебная сказка, сюжет, благодарный мертвец, мотив, чудесный помощник

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжетный тип АТ 508 «Благодарный мертвец» // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 660–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

The Grateful Dead: Motif of Assistant in Kalmyk Folktales of AT Type 508

Baira B. Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-9386-653X. E-mail: baira.goryaewa[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2023

© Goryaeva B. B., 2023

Abstract. Introduction. In the Kalmyk folktale tradition, AT type 508 (The Grateful Dead) develops through the motif of miraculous helper. The analysis shows that the main character pays some debt of the deceased one — to acquire an assistant. **Goals.** The study examines the motif of assistant in Kalmyk folktales clustering with AT type 508 (The Grateful Dead). **Materials.** The paper analyzes folktale texts published in Clear Script (Kalm. *todo bičiq*), Roman characters, and modern Kalmyk Cyrillic. **Results.** Before a long journey, the hero offers his servant to partake of some food which is a test for the latter: any refusal from the viands of humans shall indicate the companion belongs to the spirit world. The magic nature of the hero's assistant is also manifested through his abilities to move at extremely high speed and understand the language of animals. And it is due to the latter gift that the assistant hears a dog and a cat's conversation — to prompt the young man a remedy for the Khan's daughter. Cat bile acts as medicine in all versions of Kalmyk folktales related to the type 'Grateful Dead'. A. Afanasyev notes bile serves as medicine for the resurrection and eyesight recovery in the Russian fairy tale 'Yerusan Lazarevich', emphasizing the 'linguistic and mythical connection' between — sunshine, glitter of gold, and the yellow color of bile. Being aware of the trouble, the grateful dead person protects his savior and the latter's spouse from the snake venom. When accused of encroachments, he confesses all his good deeds (massacre of seven cannibal demons, their daughters, wives, and the former's old mother) and sets out towards the world of the dead ruled by Erlik Nomin Khan. The hero decides not to leave his assistant and follows him up to hell. Kalmyk folktales of the mentioned type are distinguished by description of trials experienced by the main character and his assistant in the realms of the dead. Possessions of Erlik Nomin Khan — the lord of the dead — are depicted in accordance with ideas of Buddhist hell traced in Oirat written monuments, such as The Story of Chojid-Dagini, The Tale of Molon-Toyin, The Tale of the Goose-Lama, The Tale of Naranu Gerel etc. It is the descriptions of Buddhist hell that distinguish the international type 'Grateful Dead' in the Kalmyk oral tradition through the motif of miraculous helper. **Conclusions.** The motif of helper in the considered folktales unfolds on the basis of traditional ideas with that earlier views were replaced by later Buddhist ones.

Keywords: Kalmyks, magic folktale, plot, grateful dead, motif, magic helper

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics of the Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'.

For citation: Goryaeva B. B. The Grateful Dead: Motif of Assistant in Kalmyk Folktales of AT Type 508. *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 3. С. 660–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-67-3-660-672

1. Введение

Различные мотивы устной традиции калмыков становились объектами исследований ученых. Анализ архаических мотивов происхождения героя привел А. Ш. Кичикова к реконструкции тууль-улигера — эпического сказания, которое стадийно предшествовало калмыцкому героическому эпосу «Джангар» и рассказывало о подвигах богатыря [Кичиков 1994: 10–18]. В разное время на материале калмыцкого эпоса изучались отдельные мотивы, типология версий эпоса «Джангар» в фольклоре монгольских народов [Овалов 1982; Овалов 2004].

В ряде работ описаны архаические мотивы Багацохуровского [Убушиева 2006; Убушиева 2009; Убушиева 2010; Убушиева 2018] и Малодербетовского циклов калмыцкого эпоса «Джангар» [Манджиева 2012; Манджиева 2022: 169–240]. Проведен сравнительно-сопоставительный анализ мотивов калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса [Селеева 2007; Селеева 2008], а также богатырской сказки и эпоса [Манджиева 2016]. Изучено эпическое повествование на уровне мотива состязаний за руку ханской дочери [Хабунова 2018; Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018], роста богатыря [Хабунова и др. 2019]. В сравнительном аспекте рассмотрены мотивы сюжетов о сватовстве [Дампилова и др. 2019].

Становились объектом исследования и мотив чудесного рождения героя эпоса и сказки [Мутляева 1982; Убушиева 2020; Горяева, Убушиева 2022], мотивы богатырских сказок [Борджанова 1985; Сарангов 2015; Хабунова, Геджин 2019]. Мотив чудесного помощника изучен на материале калмыцкой волшебной сказки [Надбитова 2005; Надбитова 2011: 139–140; Горяева 2017; Горяева 2018; Горяева 2022].

В настоящей статье нами рассмотрен мотив волшебного помощника в калмыцких сказках на сюжет АТУ 508 «Благодарный мертвец».

2. Материал исследования

Материалом для статьи выступили опубликованные на «ясном письме», в транс-

крипции на латинице и в современной калмыцкой орфографии на кириллице тексты: сказка «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» («Сказка о Манджин Зарлике сыне богача Менген Оргечику, живущем в нутке хана Алтан Оргечику, и юноше-работнике») издана на ойратском «ясном письме» *тодо бичиг* [Позднеев 1888–1889: 307–347]; текст из сборника сказок в записи Г. Й. Рамстедта в транскрипции на латинице [Kalmückische Sprachproben 1909: 74–104]; «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» («Старик Менген Оргечик из нутка хана Алтан Оргечи») [Хальмг фольклор 1941: 197–205; Хальмг туульс 1961: 121–127]; «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» («Сын Арсамчи хана и Ээс Темен Мерген») [Хальмг туульс 1968: 12–16].

Сказка «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» зафиксирована А. М. Позднеевым в 1884 г. в калмыцких степях [Позднеев 1888–1889: 307–347]. Текст «Алтн Өргч хаана нутгин Мөңгн Өргчк гидг өвгн» опубликован на основе фольклорных записей учителей 1936 г. [Хальмг фольклор 1941: 197–205]. Сказка «Арсмч хаана көвүн Өөс Темн Мергн хойр» записана от сказителя Санджи Манджикова уже во второй половине XX в. [Хальмг туульс 1968: 12–16].

Эти три текста начинаются с подробного описания многочисленного скота четырех видов. Зачин сказки повествует о престарелых бездетных супругах, которым некому передать эти богатства. Таким образом, действие сказки начинается с того, что старик отправляется к своему гению-хранителю с просьбой ниспослать ему наследника.

3. Рождение героя

Рождению героя в сказках на рассматриваемый сюжет предшествует картина богатств престарелых мифологического возраста супругов. Многочисленный скот некому унаследовать, поэтому старик отправляется в путь. Хотя табуны бесчисленны, старик уходит просить сына пеш-

ком в железных девятислойных башмаках с девятисаженным железным посохом [Хальмг туульс 1961: 121]. В. Я. Проппом было выявлено, что покойники для пути в иной мир обеспечивались обувью, посохом и хлебом, обозначавшимися позднее железными. В калмыцкой сказке путь изображается устойчивыми формулами [Позднеев 1888–1889: 308]. Идет старик до границ кочевий сорок девять дней: согласно представлениям калмыков, за это время душа достигает иного мира. Отправившись к своему гению-хранителю, старик получает ответ на свой запрос от мальчика-послушника в буддийском храме [Позднеев 1888–1889: 315].

В другом тексте мальчик-послушник советует старику накормить нищих своего аймака и отока, подать милостыню, построить девятиэтажный золотой субурган [Хальмг туульс 1961: 122]. После выполнения указаний послушника у старика появляется наследник. Текст в записи А. М. Позднеева 1884 г. описывает чудесно рожденного героя золотогрудым [Позднеев 1888–1889: 315]. В более поздних сказках чудесно рожденный уже не обладает «золотистостью», которую, по мнению В. Я. Проппа, имеют боги, умершие и посвященные [Пропп 2000: 256].

Как видим, герой сказок на рассматриваемый сюжетный тип является чудесно рожденным. Необычность героя также отмечается его быстрым ростом: *Усн, бал, цаһан тосар тежэгснд, көвүнэ өслтд түргл болад, өңгн сээхн, ухан тоңһлг болад, һунн нас күрсн цагтан генткн нег өдр көвүн эцктэн келв*: «Аав, нанд нег цөн мөңгн ас. Хаана базрт оч, арсм кенэв»¹ 'На молоке, меде, сливочном масле растили, поэтому мальчик быстро рос внешне красивым, с ясным умом, когда он достиг возраста трех лет, однажды сын сказал отцу: «Отец, дайте мне немного денег. Пойду торговать на ханском базаре»»² [Позднеев 1888–1889: 316].

4. Выкуп мертвеца — обретение волшебного помощника

Зачастую развитие действия волшебной сказки связано с отправкой представителей младшего поколения старшими.

¹ Здесь и далее примеры из текста в записи А. М. Позднеева даются в современной калмыцкой орфографии, а не на «ясном письме» (*тодо бичиг*), как в источнике.

² Здесь и далее перевод автора статьи.

Мотивировкой для отправления в путь детей служат различные обстоятельства. В сказках на рассматриваемый сюжет герой сам изъявляет желание отправиться в путь.

В сказке «Алтн Өргчк хаани нутгт бээдг Мөңгн Өргчк байна көвүн Манжин Зэрлг ялч көвүн хойрин тууль» в записи А. М. Позднеева отец отговаривает героя торговать на ханском базаре: *Өвгн: «Арсм кех кергго. Арсм эс кев чигн, чамд зөв мал мөңгн теңер хээрлсн бээнэ», — гиснд эмгн келв: «Мал мөңгн бээв чигн, күүкнэ дурн хэрүл уга, нег цөн мөңгн өгит»* 'Старик ответил: «Торговать нет надобности. Даже без торговли небо пожаловало тебе достаточно скота и денег», на это старуха сказала: «Хоть скот и деньги имеются, не отбивая охоту у ребенка, дайте немного денег»» [Позднеев 1888–1889: 316].

При поддержке матери герой получает мешок золота и отправляется в путь, взвалив его на спину. В пути мальчику попадает человек, который стегает плетью мертвеца, подвешенного на дереве. Все свое золото он отдает в счет долга умершего [Позднеев 1888–1889: 317].

В сказке, записанной от сказителя Санджи Манджикова, родители умирают, и мальчик решает отправиться торговать: *Тиигэд, цаг цаглад нас бийгн эдлэд, хан хатн хойр өңгэв. Көвүн үлдв. Көвүн ухалад, санад бээһэд, эңгиннь йовж йовсн кергэр барш кеһэд бээхэр санжана* 'Так, время проходило, прожив свой век, хан и ханша умерли. Сын их остался. Сын их думал-думал, надумал получать прибыль, решая дела своего рода' [Хальмг туульс 1968: 12].

В сказке «Арсмч хаана көвүн Өөс Мергн Темн хойр» из репертуара Санджи Манджикова герой отправляется в город, чтобы нанять работника, и в пути встречает человека, который, сев верхом на мертвеца, избивал его. Из разговора с этим незнакомцем юноша узнает, что умерший задолжал лопату золота. Отдав долг, герой вызволяет мертвеца [Хальмг туульс 1968: 12].

В сказке, зафиксированной Г. Й. Рамстедтом, герою, мальчику-калмыку, который попал от черкесов к татарину, помогает девушка, дочь татарина. Она вызволяет его из плена, бежит с ним, выходит за него замуж. С супругом они отправляются к хану, чтобы он занес имя героя в списки подданных. Специально для этого с подношения-

ми они едут к хану. Затем супруга советует обновить деньги в Китае, чтобы они не пропали. На это желание герой получает отказ от отца: *Өвгн келжэнэ: «Зуурк дээсн ик юмн, тунугар яһжэ йовнач? Бичгэ йов, үкжэ однач», — гижэ өвгн келнэ¹* [Kalmückische Sprachproben 1909: 86]. Когда сын во второй раз говорит, что поедет, старик молчит. *«Хаанасн одад бичгэ авч иртн, хаалһин бичгэ, йовтн!» — гижэнэ баавһань. Хаана талан залу һарад йовв, хаанаднь күрэд ирв. «Ю хээвч?» — гижэ хан келжэнэ. «Иигэд-иигэд мөңгэн шинрүлхэр бээнэв, танас бичгэ авхар ирв», — гижэнэ. «Тер чини чик сөв». Һар бичгэн хээрлжэнэ. Һар бичгэн авад күрч ирнэ* ‘Привезите от хана грамоту, дорожную грамоту, езжайте!’ — говорит жена его. К хану отправился муж, к хану приехал. «Что ты хотел?» — говорит хан. «Так и так, хочу обновить деньги, от Вас грамоту получить приехал», — говорит. «Это правильное твое решение». Пожаловал грамоту со своей подписью. Получив грамоту с подписью, вернулся домой’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 87].

В третий раз герой объявляет отцу, что готов уехать и получил грамоту от хана. Отец после ханского соизволения дает добро, и юноша отправляется в путь.

До этого момента текст представляет вполне реалистичные события. Дальнейшее повествование приобретает уже сказочный характер:

Нег үксн күүг нег кун үснэснь татад гөвдэд бээдг болна.

— *Ода үкжэ одсн күүг гөвдэд бээх яһсн му хөвтэ кунвч?*

— *Үүнлэ далн тавн арслң өртэ билэв, «эндр өгнэв», «маһндур өгнэв», гинэ(д) бээжэ үкжэ одв. Өшиһэн авч бээнэв.*

— *Эн күүг нүкнднь дарчк, би мөңгичн өгсв! — гинэ.*

Далн тавн арслң мөңгэн авад саак күүг нүкнд даржана.

‘Один человек умершего человека за волосы таскает и бьет.

— Какой несчастный ты человек, что избиваешь уже умершего человека?

— Он должен был мне семьдесят пять рублей, «сегодня отдам», «завтра отдам», — говорил и умер. Я мшчу.

¹ Здесь и далее примеры из текста в записи Г. Й. Рамстедта даются в современной калмыцкой орфографии, а не в фонетической транскрипции на латинице, как в источнике.

— Этого человека в могиле захорони, я верну тебе деньги! — говорит.

Семьдесят пять рублей денег получив, того человека в могиле закопал’ [Kalmückische Sprachproben 1909: 89].

Во всех рассмотренных текстах герой, находясь в пути, отдает долг усопшего, таким образом восстанавливает нарушенный порядок.

Умерший обретает покой после того, как герой заплатил за него долг. В сказке ранней записи кредитор, получив свой долг, перестает стегать плетью мертвеца, снимает его с петли и бросает на землю [Позднеев 1888–1889: 317]. В варианте сказки на рассматриваемый сюжет, опубликованный в 1968 г., также отмечается, что после получения денег умерший оставляется в покое. Два текста (в записи Г. Й. Рамстедта 1903 г. и в записи 1936 г.) отмечают, что мертвеца надо закопать, другие тексты сказок не указывают на то, что умершего следует захоронить. Таким образом, калмыцкая волшебная сказка отражает как ранние представления, когда умерших не предавали земле, так и поздние, когда усопших стали хоронить.

5. Испытание помощника

Выплатив долг умершего и потратив все золото, герой возвращается домой за деньгами и отправляется на поиски работника.

Текст ранней записи А. М. Позднеева наиболее подробно описывает испытание помощника. Герой ходит по ханскому базару в поисках работника. Когда приходит юноша по возрасту чуть старше героя, он дает ему сварить баранью ножку. После того как помощник сел и поел вместе с хозяином, он был отправлен с остатками мяса как неугодный. Новые поиски работника привели к юноше, который был в более истрепанной одежде, чем прежний. Сварив ножку барана, помощник накормил хозяина, но сам не поел [Позднеев 1888–1889: 319].

Следует отметить одну деталь, которая указывается при описании юношей, нанимающихся в работники к герою, — это их одежда. Первый претендент на роль помощника — юноша, примерно одного возраста с героем, в рваной одежде — *салврха хувцта*. Следующим вызвался помогать герою парень, который был в более истрепанной одежде, чем прежний — *урдк көвүнэс эрвэж уга элдкн му салврха хувцта көвүн* [Позднеев 1888–1889: 318].

Этот момент можно соотнести с часто встречающимся в устной традиции случаем перемены облика через переодевание героя, обмен одеждой, связанным с пребыванием в ином мире. В. Я. Проппом отмечалось на материале одной сказки М. М. Коргуева, что платье у героя было другое, «как у выходца из того свету» [Пропп 2000: 111].

Таким образом, текст калмыцкой сказки в записи 1884 г. показывает, что рваная одежда юноши — признак его принадлежности иному миру. Эта связь позволяет пройти ему испытание и стать помощником героя.

Юноша же, который разделит трапезу с героем, не прошел отбор. В работники был выбран мальчик, не ставший есть с героем: «Уга, та бид хойр нег савас идх йосн уга. Та нойн йосар йовх, би ялч йосар йовх. Би үлдл хэлэх йоста. Үлдхн иднэв. Эс үлдхн, хоосн чигн йовад йовнав», — гиснд нойн көвүн тер махан ялчдан хормаднь кезж өгэд. «Тер өмнк тергн деер сууһад, тер ик замар йов», — гихэд зааж йовулад, бийнь дунд тергнд суув» ‘«Нет, по закону мы с вами не можем есть из одной посуды. Вы по обычаям нойна должны вести себя, я по обычаям работника должен вести себя. Я должен на остатки смотреть. Поем то, что останется. Если не останется, то и голодным похожу», — ответил [мальчик], юноша-нойн мясо то положил в подол ему. «Садись на первую телегу и езжай по тому широкому тракту», — сказал, отправил, сам сел на телегу посередине» [Позднеев 1888–1889: 319].

В сказке, записанной Г. Й. Рамстедтом, герой дает каждому претенденту по бараньей ножке и наблюдает за их действиями. Два человека не смогли пройти испытание, третьим вызвался болезненный бледный мальчик-послушник. Он сварил мясо, но отказался есть вместе с юношей, объясняя это следующим: «Хэр отгт одхла, хамдан сууһад идэд бээхлэ, таниг эзн гихм, намаг эзн гихм?» — гижээнэ ‘«Если будем в чужом отоке вместе садиться и есть, то Вас хозяином называть или меня хозяином называть?» — сказал» [Kalmückische Sprachproben 1909: 90]. Таким образом, волшебный мертвец, пройдя испытание едой, стал помощником героя в его путешествии.

Сказка из репертуара Санджи Манджикова испытание слуги представляет по-иному. Герой берет в помощники юношу,

который дожидается хозяина, и делит вместе с ним еду.

Исследования В. Я. Проппа показали, что для представителей «иноного» мира запах человека «в высшей степени противен», в свою очередь еда «иноного» мира запретна для живых [Пропп 2001: 47–51].

В рассматриваемых калмыцких сказках герой, предлагая помощнику отведать еды живых, испытывает его на принадлежность миру духов, которые не могут вкусить яств мира людей. Но при этом следует отметить, что умершему, перешагнувшему «порог сего мира, прежде всего следует есть и пить» [Пропп 2001: 51].

6. Благодарный мертвец — защитник героя

Пройдя испытание героя, благодарный мертвец в образе мальчика-работника сопровождает героя в дальнем пути. Он управляет обозом, готовит еду, распрягает лошадей, устраивает ночлег. Перед отправлением в дорогу отец героя советует постараться днем проехать мимо большого кургана, пересечь солончаки и пески. Этот наказ волшебный помощник помнит, но по приказу героя указанные локусы они проезжают ночью, останавливаются они тогда, когда лошади начинают мочиться кровью и отказываются идти.

В полночь, когда обходит обоз, помощник натывается на старика-муса, который приглашает путников на «огонек» в свой дом. Работник, дав согласие, следует за стариком-людоедом и поочередно убивает семь мусов (мангасов), срубая им головы. В доме стариков-мусов слева и справа мясо людей развешено, напротив двери золото-серебро, драгоценности, ткани грудой лежат. Стариков-мусов по кусочкам порезав, помощник спалил их вместе с домом, все добро закопал. Вытерев кровь с меча героя, работник возвращает меч хозяину. Таким же образом помощник расправляется со старухами, женами мусов, и их дочерьями, которые живут в песках и солончаках [Позднеев 1888–1889: 321–329].

Благодарный мертвец помогает герою, отправившемуся торговать, избежать в пути неминуемой гибели. Текст сказки в записи 1884 г. дает наиболее полную картину расправы над антагонистами — хтоническими существами, хотя и имеющими антропоморфные черты.

В сказке, записанной в 1904 г. Г. Й. Рамстедтом, помощник героя расправляется сперва у высокого кургана с семью старухами-шулмусками, далее — стариками-шулмусами, которые никого не пропустили живым между калмыцкой землей и Китаем [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 92–95].

В сказке, записанной от Санджи Манджикова, помощник героя расправляется с шестью мужчинами-мангасами, которые жили в овраге. Далее, когда встречаются три кургана, помощник убивает старика и старуху, отца и мать мангасов-людоедов, живших в этом месте [*Хальмг туульс* 1968: 12–13].

Анализ сказок на рассматриваемый сюжетный тип показывает, что благодарный мертвец расправляется с хтоническими существами, незаметно для своего хозяина его же мечом или оружием, которое он находит в жилище мусов (мангасов). Ранние записи сказок более полно раскрывают архаические представления народа, отражающие чудесную способность хтонических существ срastаться при определенных условиях. Поэтому герой рубит врагов на мелкие куски, а потом предаёт их огню. Локусы проживания семейства мусов — это границы миров. Принадлежность их иному миру атрибутируется, в частности, несметными сокровищами, находящимися в их доме, так как, согласно исследованиям В. Я. Проппа, иной мир — это страна изобилия [*Пропп* 2000: 251–252].

Помощник расправляется с большим семейством мусов(мангасов)-людоедов по одиночке, поджидая их у входа в жилище. Таким образом, можно заключить, что помощник не обладает сверхсилой, но имеет сверхскорость: «Мальчик-послушник, в одиночку пятьсот телег смазав дегтем, в одиночку поставил их друг за дружкой в ряд. Когда поставил их в ряд и пришел, то хозяин еще не поел мяса, такой быстрый, тот манджик» [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 91].

Принадлежность чудесного помощника героя к иному миру проявляется также через его способность понимать язык животных. Благодаря этому дару помощник подсказывает юноше средство для излечения дочери хана.

7. Исцеление ханской дочери

Понимание языка животных позволяет помощнику героя узнать о средстве, благодаря которому можно вернуть к жизни ханскую дочь. У хана Кегшин Буурал сын и дочь, которой все равно, что нет. Она больна и при смерти. Уже три года, как врачеватели отчаялись исцелить ее: *Угала адл. Уксн амдин зааг хучта. Хурвн жсилэс нааран эмчир эмнэж ядад, цөкрэд бээсн юмнэж* [*Позднеев* 1888–1889: 331].

Когда торговля подходила к концу, благодарный помощник героя слышит разговор своей собаки с желтой ханской кошкой. Из разговора животных работник узнает, что желчь кошки является лекарством от болезни ханской дочери. Требуя мяса, кошка грозит собаке, что навредит ее хозяину во время первой брачной ночи, превратившись в ядовитую змею [*Позднеев* 1888–1889: 331], через неделю после свадьбы [*Kalmückische Sprachproben* 1909: 95–96].

Сказка в записи Г. Й. Рамстедта описывает диалог кошки и щенка в момент, когда забивают овцу. Кошка предстает в текстах размером с собаку, имеет пестро-желтый окрас (*нохан кир шар цоохр мис*) [*Позднеев* 1888–1889: 331]; желтый (*шар куушка*) [*Хальмг туульс* 1968: 15].

Лекарством названа желчь кошки, которую помощник добывает и засушивает: *Хоиад, хорвад дусал цөс устаһар нишлүд өгэд, хойр хонг өгэд, хорв хонг өгэд күүкән эдгәһад авчкв. Күүкн эдгэд, сәәхн күүкн боллад бээв* ‘По две-три капли желчи добавлял в воду и давал, два дня подавал, три дня дал и вылечил девушку. Девушка выздоровела, стала красавицей’ [*Хальмг туульс* 1968: 14].

Желчь кошки выступает лекарством в текстах всех сказок на рассматриваемый сюжет. В сказке о Манджин Зарлике в записи А. М. Позднеева помощник исцеляет дочь хана следующим образом: семь дней читает молитву-тарни и дует на ханскую дочь, натошак по утрам три раза дает лизнуть желчь кошки, после чего девушка стала есть и пить, съеденное полностью усваивалось, и она полностью излечилась [*Позднеев* 1888–1889: 333].

В традиционной калмыцкой медицине желчь разных животных часто применялась в лечении многих болезней [*Шантаев* 2005: 341]. Высушенная на солнце желчь волка использовалась при лечении туберкулеза.

При этом желчный пузырь, по демонологическим представлениям калмыков, место, в котором находится злой дух, способный вселяться в человека. В связи с этим следует трижды плюнуть на вырезанный желчный пузырь и выбросить его через левое плечо [Шараева 2008: 168].

Желчь как лекарство для воскрешения и восстановления зрения упоминается также в русской сказке «Еруслан Лазаревич». А. Н. Афанасьев отмечает при рассмотрении данного текста, что «Сияние солнца и блеск золота производят то же впечатление желтого цвета, как и желчь, и это послужило основанием их лингвистической и мифической связи» [Афанасьев 1985: 359]. Проанализировав сказание о Еруслане, А. Н. Афанасьев отмечает, что «под желчью, дающей зрение, надо понимать именно солнечный свет, без которого нельзя ничего видеть, ибо тогда все скрывается во мраке» [Афанасьев 1985: 359].

8. «Туда» и «обратно»

Кошка, желчь которой стала лекарством для больной дочери хана, грозит навредить герою и его жене: *Намаг алад, минэн цөсэр куукн эдкклэ, эн куукн кургнд мордх, кургндэн одад бээһэд бээһлэ, би хортан хо һалзн моһа болжс иржс, тотхар орад куукнэ кургнэ хойраһиннь толһа таслжс авхува* 'Если убьют меня и излечат ханскую дочь, то она выйдет замуж за юношу, после ее замужества я превращусь в змею с полоской на лбу, заползу по косяку двери и оторву головы жене и мужу' [Хальмг туульс 1968: 14].

Хан выдает замуж свою возвращенную к жизни дочь за спасителя, в придачу подарив половину своих подданных. Добравшись до своего кочевья, герой не подозревает о надвигающейся опасности. Помощник героя, зная о беде, сторожит своего хозяина и его супругу. Ночью слуга бдит, дожидается ядовитой желто-пестрой змеи и разрубает ее на части. Испугавшись, что змеиный яд мог попасть на лицо, чудесный помощник осветил лицо девушки, увидел каплю на ее щеке и вытер. Жена героя обвиняет слугу в злом умысле. В результате чего раскрывается вся правда о работнике.

Волшебный помощник говорит, что он защитил от гибели Манджин Зарлика [Позднеев 1888–1889: 343; Kalmückische

Sprachproben 1909: 101; Хальмг туульс 1961: 124–125; Хальмг туульс 1968: 14]. Богатства антагонистов — ткани, драгоценности; пятьсот телег с товаром; золото, серебро, товарищи забрали на обратном пути, возвращаясь домой.

Рассказ помощника о том, как он узнал средство исцеления для дочери хана, закончился тем, что благодарный мертвец зарубил зловредную змею и решил посмотреть, не попал ли яд на лицо новобрачным. Признавшись в своих деяниях, чудесный работник стал собираться в путь для возвращения в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана.

В сказке, записанной А. М. Позднеевым, умерший на две недели просрочил отпущенное ему время и готовился испытывать страдания за это: *Ода би Номин хаанас эржс авсн болзгасн давад хойр дола хонв би. Ода би тер һазрт курхлэри ик хээснд чанулжс, ик зовлж эдлх болта* 'Уже две недели прошло с того момента, как закончился мой срок, на который я отпрашивался у [Эрлик] Номин хана. Теперь, когда я доберусь до той земли, большие страдания испытаю — будут в большом котле меня варить' [Позднеев 1888–1889: 343].

Манджин Зарлик, узнав о том, что благодарный мертвец спас его от многих смертей, решает сопровождать своего помощника и разделить с ним его участь. Манджин Зарлик устремляется вслед за ним и попадает на суд строгого властелина страны мертвых.

Эрлик Номин хан заставляет товарищей пройти по натянутой над пропастью проволоке. Друзья, доказав свою искреннюю дружбу, побратались и в качестве вознаграждения были возвращены в мир людей [Позднеев 1888–1889: 344–346].

Сказка в записи Г. Й. Рамстедта описывает путешествие героя с его благодарным помощником в ад, который представляется на основе народных верований калмыков, сложившихся под воздействием буддийской картины мира [Kalmückische Sprachproben 1909: 102–103].

Таким образом, особенность рассмотренных калмыцких сказок состоит в описании событий, происходящих в ином мире. Описание мира мертвых в рассмотренных сказочных сюжетах строится на буддийских представлениях.

Описание буддийского ада в калмыцких сказках на международный сюжетный тип «Благодарный мертвец» представляет особенность реализации мотива помощника в этих текстах.

9. Заключение

В сказках на сюжетный тип 508 «Благодарный мертвец» в калмыцкой сказочной традиции герой приобретает чудесного помощника, отдав его долг. В. Я. Пропп отмечает, благодарный мертвец «может выполнять ту же функцию», что и загробные дарители — яга, умершие родители и голова. Яга как властительница природных сил, связанная с миром мертвых, с развитием земледелия, появлением собственности и ее преемственности по мужской линии заменяется предком. С забвением культа предков умерший предок-отец заменяется мертвецом как таковым.

В рассмотренных нами сказках герой приобретает в качестве помощника благодарного мертвеца, выплатив его долг и даровав умершему покой, в поздних записях, предав тело земле, то есть «совершив все те действия, которые ему, как мертвецу, нужны» [Пропп 2000: 127].

Калмыцкий материал показал, что услуга захоронения мертвеца появляется в волшебной сказке стадиально позже, когда произошли изменения в похоронно-погребальной обрядности народа. Две сказки поздней фиксации четко указывают на то, что умершего следует захоронить. Сказка в записи 1884 г. показывает, что герой приобретает волшебного помощника, заплатив его огромный долг золотом, при этом по-

койника оставляют на земле, согласно обычаям.

В рассмотренных калмыцких сказках герой испытывает будущего помощника, предлагая отведать еды. Отказ спутника от яств мира людей указывает на принадлежность миру духов. Но при этом следует отметить, что умершему, перешагнувшему «порог сего мира, прежде всего следует есть и пить» [Пропп 2001: 51].

Чудесность помощника героя показывается также через его сверхскорость и способность понимать язык животных. Благодаря этому дару работник, услышав разговор кошки и собаки, подсказывает хозяину средство для излечения дочери хана, а затем спасает их от кошки, обратившейся в змею.

Благодарный мертвец, зная о беде, защищает своего спасителя и его супругу от яда змеи. При обвинении в посягательстве на жизнь он признается во всех своих благих деяниях и собирается в мир мертвых во владения Эрлик Номин хана. Герой решает не расставаться со своим помощником и следует за ним в ад.

Таким образом, отличие калмыцких сказок на сюжет «Благодарный мертвец» состоит в тех испытаниях, которые герои с достоинством проходят в нижнем мире. Владения Эрлик Номин хана, повелителя мертвых, рисуются в сказках на основе представлений о буддийском аде.

Именно благодаря описанию буддийского ада международный сюжетный тип АТ 508 в сказочной традиции калмыков приобрел свою особенность в реализации мотива чудесного помощника.

Источники

- Позднеев 1888–1889 — Позднеев А. Калмыцкие сказки. Сказка про сына богача Маньчжинь зарлика и его мальчика работника // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества / под ред. В. Р. Розена. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1888–1889. Т. III. С. 307–347.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. 1-гч боть / сост. Б. Сангаджиева, Л. Сангаев, ред. У. Очиров. Элиста: Калм. кн. гос. изд-во, 1961. 220 х.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. II-гч боть / запись и сост. Бембеевой А. Ц. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968. 267 х.
- Хальмг фольклор 1941 — Хальмг фольклор / Барт белдснь Лежнэ Церн, Шалвра Һэрэ (сост.: Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбуков). Элст: Калмгосиздат, 1941. 466 х.
- Kalmückische Sprachproben 1909 — Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s. (In Kalm. and in Germ.)

Sources

- Bembееva A. (comp.) Kalmyk Folktales. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 267 p. (In Kalm.)
- Ledzhinov Ts. O., Shalburov G. M. (comps.) Kalmyk Folklore. Elista: Kalmykia Book Publ., 1941. 466 p. (In Kalm.)
- Pozdneeв A. Kalmyk folktales. The Tale of Landlord Manjiin Zarliq and His Child Worker. Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva. 1888–1889. Vol. 3. Pp. 307–347. (In Oir. and Russ.)
- Ramstedt G. J. (comp., ed.) Kalmückische Sprachproben [Kalmyk Language Materials]. Part One: Kalmyk Folktales. Helsinki: Finnougric Society, 1909. 154 p. (In Kalm. and in Germ.)
- Sangadzhieva B., Sangaev L. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 1. U. Ochirov (ed.). Elista: Kalmykia Book Publ., 1961. 220 p. (In Kalm.)

Литература

- Адоньева 2011 — Адоньева С. Б. Символический порядок. СПб.: Пропповский центр: Амфора, 2011. 167 с.: илл. (Серия «Первичные знаки, или Прагмемы»). URL: <http://www.pragmema.ru/ru/chapter-symb-order-kult-mertvyh> (дата обращения: 25.03.2023).
- Афанасьев 1985 — Заметка Афанасьева о сказке «Еруслан Лазаревич» // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева. В 3 т. Т. III. Издание подготовили Л. Г. Бараг, Н. В. Новиков. М.: Наука, 1985. С. 356–362.
- Баянова 2014 — Баянова А. Т. Особенности иллюстрирования монгольской рукописной книги (на примере «Сутры о том, как Молон-тойн освободил свою мать из ада») // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2(39). С. 23–27.
- Борджанова 1985 — Борджанова Т. Г. Мифологические мотивы в калмыцких богатырских сказках // Фольклор народов РСФСР: межэтнические фольклорные связи: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Т. М. Акимова. Уфа: Башкирский гос. ун-т, 1985. С. 72–76.
- Горяева 2017 — Горяева Б. Б. Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9(122). С. 134–141.
- Горяева 2018 — Горяева Б. Б. Мотив волшебного помощника в калмыцкой сказке // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. № 5. С. 76–85.
- Горяева 2022 — Горяева Б. Б. Мотив помощника в калмыцких сказках на сюжет ATU 513 The Extraordinary Companions // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2022. № 1. С. 106–118.
- Горяева, Убушиева 2022 — Горяева Б. Б., Убушиева Д. В. Мотив рождения героя в сказочно-эпической традиции калмыков // Новый филологический вестник. 2022. № 1(60). С. 385–399.
- Дампилова и др. 2019 — Дампилова Л. С., Хабунова Е. Э., Николаева Н. Н., Чулуун З. Традиционные мотивы в сюжете о сватовстве в эпосе монгольских народов // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 4. С. 72–78.
- Кичиков 1994 — Кичиков А. III. Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. Изд. 2-е, репринтное. М.: Наука, 1994. 320 с.
- Манджиева 2012 — Манджиева Б. Б. К вопросу изучения мотивов калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях: в 2 ч. Ч. 2. Горно-Алтайск: Медиа Принт, 2012. С. 120–123.
- Манджиева 2016 — Манджиева Б. Б. Проблема изучения мотивов калмыцкой богатырской сказки и героического эпоса «Джангар» // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Амосова. Сер.: Эпосоведение. 2016. № 1(01). С. 44–58.
- Манджиева 2022 — Манджиева Б. Б. Текстология и поэтика Малодербетовского цикла эпоса «Джангар» в контексте эпической традиции калмыков. Элиста: КалмНЦ РАН, 2022. 416 с.
- Мутляева 1982 — Мутляева Б. Э. Мотив чудесного рождения героя в сказочном эпосе монгольских народов и калмыцком эпосе «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов (Исследования по эпосу). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. С. 43–49.
- Надбитова 2005 — Надбитова И. С. Типы героев калмыцкой волшебной сказки // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы. Мат-лы II межрегион. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 231–236.
- Надбитова 2011 — Надбитова И. С. Сюжеты, образы и стилиевые традиции калмыцких вол-

- шебных сказок. Элиста: НПП «Джангар», 2011. 260 с.
- Овалов 1982 — *Овалов Э. Б.* Мотив «помощник героя» в версиях эпоса «Джангар» // Эпическая поэзия монгольских народов. Элиста: КНИИФЭ, 1982. С. 50–56.
- Овалов 2004 — *Овалов Э. Б.* Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов. Элиста: АПП «Джангар». 2004. 184 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
- Пропп 2001 — *Пропп В. Я.* Морфология волшебной сказки / науч. ред., текстол. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001. 144 с.
- Сазыкин 2004 — Видения буддийского ада / предислов., пер., транслит., примеч. и глоссарий А. Г. Сазыкина; отв. ред. А. А. Тереньтьев. СПб.: St.-Petersburg, 2004. 256 с.
- Сарангов 2015 — *Сарангов В. Т.* Поэтика и стиль калмыцкой богатырской сказки. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 108 с.
- Селеева 2007 — *Селеева Ц. Б.* Мотив ультиматума и его формульная реализация в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара» // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Элиста, 13–14 сентября 2006 г.). Ч. I. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 80–86.
- Селеева 2008 — *Селеева Ц. Б.* Мотив пира в структуре эпического сюжета (на примере калмыцкой и синьцзян-ойратской версий «Джангара») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 52–54.
- Убушиева 2006 — *Убушиева Д. В.* О семантике архаического мотива «поглощения и выхаркивания» в эпосе «Джангар» (на материале песен Багацохуровского цикла) // Научная мысль Кавказа. 2006. № 3. С. 144–146.
- Убушиева 2009 — *Убушиева Д. В.* Багацохуровский цикл «Джангара» в записях XIX века: сюжетика и сохранность эпического текста: дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 150 с.
- Убушиева 2010 — *Убушиева Д. В.* Мотивный фонд Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангара» // Oriental Studies. 2010. № 3. С. 63–68.
- Убушиева 2018 — *Убушиева Д. В.* Космические мотивы в прологе эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2018. № 3(46). С. 35–45.
- Убушиева 2020 — *Убушиева Д. В.* Мотив чудесного рождения в ранних циклах эпоса «Джангар» // Новый филологический вестник. 2020. № 3(54). С. 310–321.
- Хабунова 2018 — *Хабунова Е. Э.* Мотив брачных состязаний в национальных версиях эпоса «Джангар»: диапазон варьирования // Сетевое востоковедение: устные и письменные традиции в контексте межкультурного взаимодействия. Мат-лы II Междунар. науч. форума (г. Элиста, 29 ноября – 1 декабря 2018 г.). Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2018. С. 44–47.
- Хабунова, Санжаа, Убушиева 2018 — *Хабунова Е. Э., Санжаа Б., Убушиева Б. Э.* Мотивный ряд матримониальной модели эпического повествования в монгольском героическом эпосе // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 4 (40). С. 104–111.
- Хабунова и др. 2019 — *Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Николаева Н. Н., Убушиева Б. Э., Эльбикова Б. В.* Стремительный рост богатыря в эпосе «Джангар»: движение мотива от архаики к героике // Социальные и культурные трансформации в контексте современного глобализма: сб. науч. трудов II Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию проф. Х. И. Ибрагимова. Томск: СибИздатСервис, 2019. Т. 3. С. 593–597.
- Хабунова, Геджин 2019 — *Хабунова Е. Э., Геджин Ч.* Мотив отправления героя, рожденного от медведя, в сказочной традиции тюрко-монгольских народов // Oriental Studies. 2019. № 5. С. 1026–1033.
- Шантаев 2005 — *Шантаев Б. А.* Рецепты народной медицины у калмыков // Трофим Алексеевич Бертагаев: к 100-летию со дня рождения. Материалы I-х Бертагаевских чтений / отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2005. С. 341–344.
- Шараева 2008 — *Шараева Т. И.* Субпродукты в мясном рационе у калмыков: традиции охотников и скотоводов // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов: сб. науч. тр. / отв. ред. Э. П. Бакаева. Элиста: КалмГУ, 2008. С. 164–171.

References

- Adonyeva S. B. Symbolic Order. St. Petersburg: Vladimir Propp Center, Amfora, 2011. 167 p. Available at: <http://www.pragmema.ru/ru/chapter-symb-order-kult-mertvyh> (accessed: 25 March 2023). (In Russ.)
- Afanasyev A. N. The Tale of Yeruslan Lazarevich: A note by A. Afanasyev. In: Barag L. G., Novikov N. V. (comps.) Russian Folktales Collected by A. N. Afanasyev. In 3 vols. Vol. 3. Moscow: Nauka, 1985. Pp. 356–362. (In Russ.)
- Bayanova A. T. Peculiarities of Mongol handwritten book illustration (By example of Sutra on How Molon-Toyin Released His Mother from Hell). Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. 2014. No. 1(39). Pt. 2. Pp. 23–27. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Mythological motifs in Kalmyk heroic tales. In: Akimova T. M. (ed.) Folklore of Soviet Russia: Interethnic Folklore Ties. Collected scholarly papers. Ufa: Bashkir State University, 1985. Pp. 72–76. (In Russ.)
- Dampilova L. S., Khabunova Ye. E., Nikolaeva N. N., Chuluun Z. Traditional motives of the courtship plot in the epos of the Mongolic-speaking peoples. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka (The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language). 2019. Vol. 78. No. 4. Pp. 72–78. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. ATU 513 ‘The Extraordinary Companions’: The motif of magic assistant in Kalmyk folktales revisited. Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS. 2022. No. 1. Pp. 106–118. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. Ornithomorphic assistants of a character in the Kalmyk fairy tale. Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2017. No. 9(122). Pp. 134–141. (In Russ.)
- Goryaeva B. B. The motif of magic assistant in Kalmyk folktales. In: Issues of Ethnic History and Culture of Turko-Mongols. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. Vol. 5. Pp. 76–85. (In Russ.)
- Goryaeva B. B., Ubushieva D. V. The motif of the hero’s birth in the fairy tale and epic tradition of the Kalmyks. The New Philological Bulletin. 2022. No. 1(60). Pp. 385–399. (In Russ.)
- Khabunova E. E. The motif of marriage contests in ethnic versions of the Jangar: A range of varieties. In: Salaev B. K. et al. (eds.) Networking in Oriental Studies: Oral and Written Traditions in the Context of Cross-Cultural Interaction. Forum proceedings (Elista, 29 November – 1 December 2018). Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2018. Pp. 44–47. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Dampilova L. S., Nikolaeva N. N., Ubushieva B. E., Elbikova B. V. Quick growth of a hero in the Jangar epic: The motif’s evolution from the archaic era to the heroic one. In: Social and Cultural Transformations in Current Globalization Contexts. Jubilee conference proceedings. Tomsk: Siblzdatservis, 2019. Vol. 3. Pp. 593–597. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Gejin Ch. Fairy-tale tradition of the Turko-Mongols: Motives for the expulsion of a bear-born hero. Oriental Studies. 2019. No. 5. Pp. 1026–1033. (In Russ.)
- Khabunova E. E., Sanjaa B., Ubushieva B. E. The matrimonial model in Mongolian archaic epic. Bulletin of Kalmyk University. 2018. No. 4(40). Pp. 104–111. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Study in Comparative Typology. 2nd ed., reprint. Moscow: Nauka, 1994. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Baga Dorbet Cycle of the Jangar: Textual Analysis and Poetics in the Context of the Kalmyk Epic Tradition. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2022. 416 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Kalmyk heroic epic of Jangar: The study of motifs revisited. In: Yekeeva N. M. et al. (eds.) Altaic Studies in the Changing Worldview Paradigms: Key Development Trends. In 2 parts. Pt. 2. Gorno-Altaysk: Media Print, 2012. Pp. 120–123. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. The issue of studying the motives of the Kalmyk heroic tale and the heroic epos “Jangar”. Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Epic Studies». 2016. No. 1(01). Pp. 44–58. (In Russ.)
- Mutlyaeva B. E. Magic epics of Mongols and the Kalmyk Jangar: [Analyzing] the motif of the hero’s miraculous birth. In: Epic Poetry of Mongols. Epic Studies. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. Pp. 43–49. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. Kalmyk magic folktale: Types of characters. In: The Youth in Science. Challenges, Endeavors, Prospects. Conference proceedings. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 231–236. (In Russ.)
- Nadbitova I. S. Kalmyk Magic Folktales: Plots, Images, and Traditions of Style. Elista: Dzhangar, 2011. 260 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Epic of Mongols: A Typology of Motifs and Plots. Elista: Dzhangar. 2004. 184 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. The motif of a hero’s assistant in different versions of the Jangar. In: Epic Poetry of Mongols. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 50–56. (In Russ.)

- Propp V. Ya. Historical Roots of the Magic Tale. I. Peshkov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2000. 336 p. (In Russ.)
- Propp V. Ya. Morphology of the Magic Folktale. I. Peshkov (ed., comment.). Moscow: Labirint, 2001. 144 p. (In Russ.)
- Sarangov V. T. Kalmyk Heroic Tale: Poetics and Style. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2015. 108 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. The motif of feast in epic plot structures: A case study of the Kalmyk and Xinjiang Oirat versions of the Jangar. *Oriental Studies*. 2008. No. 3. Pp. 52–54. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Xinjiang Oirat and Kalmyks versions of the Jangar: [Examining] the motif ultimatum and its formulas. In: *Russia and Central Asia. Historical and Cultural Heritage, Development Prospects. Conference proceedings* (Elista, 13–14 September 2006). Pt. 1. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. Pp. 80–86. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Practices of Kalmyk folk medicine. In: Ochirova N. G. (ed.) Trofim A. Bertagaev: Celebrating the 100th Birthday. First Bertagaev Readings. Proceedings. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2005. Pp. 341–344. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Offal in the meat-based diet of Kalmyks: Traditions of hunters and live-stock breeders. In: Bakaeva E. P. (ed.) *Turko-Mongols: Issues of Ethnogenesis and Ethnic Culture*. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2008. Pp. 164–171. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. ‘Swallowing and vomiting’: Revisiting semantics of one archaic motif in the epic of Jangar (A case study of the Baga Tsokhor Cycle). *Scientific Thought of Caucasus*. 2006. No. 3. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Baga Tsokhor Cycle of the Jangar in 19th-Century Records: Plots and Integrity of Epic Text. Cand. Sc. (philology) thesis. Elista, 2009. 150 p. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Baga Tsokhor Cycle of the Jangar: Collected motifs. *Oriental Studies*. 2010. No. 2. Pp. 63–68. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. Cosmogonic motives in the prologue of the epos “Dzhangar”. *The New Philological Bulletin*. 2018. No. 3(46). Pp. 35–45. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. The motif of the miraculous birth of the hero in the early cycles the Jangar epic. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 3(54). Pp. 310–321. (In Russ.)
- Visions of the Buddhist Hell. A. Sazykin (foreword, transl., etc.); A. Terentyev (ed.). St. Petersburg: Narthang, 2004. 256 p. (In Mong. and Russ.)

